РАЗДЕЛ X. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Иванов Д.И.¹, Иткулов С.З.²

Система целевых когнитивно-прагматических установок в художественной картине мира Н.В. Гоголя и Л. Кэрролла

¹Гуандунский университет международных исследований
(Китай, Гуанчжоу)²ФГБОУ ВО «Ивановская ГСХА имени Д. К. Беляева»
(Россия, Иваново)

doi: 10.18411/sr-10-12-2019-38

idsp: sciencerussia-10-12-2019-38

Аннотация

В статье дается анализ типов когнитивно-прагматических установок в рамках формирования когнитивно-прагматических программ синтетической языковой личности на примере творчества Н. В. Гоголя и Л. Кэрролла. Делается попытка представить данных авторов в качестве субъектов-логоцентриков, в творчестве которых ярко проявляются типологические особенности данного когнитивного сознания. Анализируется специфика квазипараллельных миров, создаваемых Гоголем и Кэрроллом. Делается вывод об особенном построении данных миров в виде горизонталей (полюса «бытие - небытие») и вертикалей (полюса «небо – земля»), наполненных осколками бытия, которые должны собраться воедино. Высказывается гипотеза о том, что в пространстве когнитивного сознания субъекта-логоцентрика происходит потеря и распад когнитивного центра. В результате в сознании логоцентрика возникает «когнитивный блок», где сама цель теряет стабильность и распадается на бесконечные копии. Результатом деструктивного процесса нейтрализации «когнитивного блока» становятся глубокая депрессия, глубокий духовный кризис и, как следствие, смерть субъекта-источника (либо духовная, либо физическая).

Ключевые слова: нонсенс, смысл, пространство, когнитивное сознание, когнитивный центр

Утверждение принципа жизнотворчества как фундаментальной основы логоцентрической модели синтетической языковой личности (далее – СЯЛ) приводит к формированию когнитивно-прагматической программы (КПП) моделирования СЯЛ. В основе данной программы лежат когнитивные интенции личности, направленные на поиск, освоение и переработку уже сформированных в пространстве культуры и получивших статус “идеальных”, универсальных когнитивно-прагматических программ (далее – КПП) [5, с. 150]. Структура логоцентрической модели СЯЛ формируется на базе когнитивного взаимодействия двух субъектов: субъекта-источника и субъекта-интерпретатора [там же]. Особым типом субъекта-источника данной модели является субъект-логоцентрик. В основе моделирования данного типа лежит комплекс базовых универсальных представлений о материальной и духовной природе устройства мира, глубоко укорененных в сознании человека. Главные типологические особенности когнитивного сознания субъекта-источника логоцентрического типа следующие:

- 1) Когнитивное сознание логоцентрика работает по принципам жесткой дуалистической модели (прежде всего оппозиции Добро-Зло);
- 2) Когнитивное сознание логоцентрика векторно по своей природе (от Сущего к Должному);

- 3) Векторная природа когнитивного сознания логоцентрика приводит к абсолютизации принципа бинаризма, который в пространстве рассматриваемой когнитивной системы становится фундаментальным основанием моделирования;
- 4) Когнитивное сознание субъекта-источника логоцентрического типа динамично по своей природе. Под динамичностью в данном контексте понимается, прежде всего осознанная, конститутивная, часто абсолютизируемая когнитивная потребность субъекта-логоцентрика в духовном самовоспитании, саморазвитии, «очищении» своей души [5, с. 109-115]

Особым когнитивно-ментальным элементом, аккумулирующим все процессы сознания является цель (система целевых когнитивно-прагматических установок (КПУ)) – специфическая, иерархически организованная программа организма (субъекта), основанная на системе обратных (внешних/внутренних) связей личности и мира [там же, с. 133].

В данной статье мы делаем попытку рассмотреть в качестве субъектов-логоцентриков Н. Гоголя и Л. Кэрролла, так как в творчестве данных писателей очень ярко проявляются типологические особенности данного когнитивного сознания.

Типы целевых КПУ в рамках моделирования КПП имеют определенную энергетическую направленность: а) конструктивную (позитивную, созидательную); б) деструктивную (негативную, разрушительную); в) синтетическую (конструктивно-деструктивную) [5, с. 143]. Данная направленность весьма характерна для культуры нонсенса, который мы определяем как специфическую эпистемологическую категорию, выходящую за пределы обычного смысла с целью познания и возрождения мира. Нонсенс столь же отрицающая, сколь и утверждающая сила: создавая нелепый мир, утверждает мир реальный, открывая новую гармонию и новые смыслы. Конечной целью нонсенса является абсолютный синтез, предполагающий органическое единство человека, природы и Бога. Культуре нонсенса XIX века породила три нонсенсных мира: «карнавал» - «мир вверх тормашками»; «зазеркалье» - «мир наоборот»; «Страна чудес» - «мир превращений». В связи с этим необходимо рассмотреть специфику квазипараллельных миров, создаваемых Гоголем и Кэрроллом. В цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» в пространство нонсенса включается вся Вселенная, при этом все три мира нонсенса включены в пространство Страны Чудес. Однако только в трех повестях («Сорочинская ярмарка», «Майская ночь, или Утопленница», «Ночь перед Рождеством») бессмыслица становится средством открытия новых смыслов: во всех трех повестях торжествует любовь, однако торжество это выражается по-разному. В «Сорочинской ярмарке» можно увидеть мир карнавала: «... весь народ сростается в одно огромное чудовище и шевелится всем своим туловищем на площади и по тесным улицам, кричит, гогочет, гремит. Шум брань, мычание, бляение, рёв – всё сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки – всё ярко, пёстро, нестройно; мечется кучами и снуется под ногами» [3, I, с. 115]. Пространство «карнавала» пересекается с пространством Страны чудес; эти миры взаимно дополняют друг друга: вместо рушника Черевик получает красный обшлаг свитки, вместо лошади – кусок красного рукава свитки, вместо кисета с табаком кум находит в кармане кусок всё той же свитки и, наконец, Черевика обвиняют в том, что он украл у самого себя кобылу. Мира «карнавала» переходит в мир «Страны чудес»; эти миры зеркальны. «Зазеркалье» можно видеть и в повести «Майская ночь, или Утопленница». Миром «зазеркалья» здесь становится пруд, в котором живёт панночка-русалка. Развалившийся дом сотника в э том мире предстаёт в первозданном виде: «... старинный господский дом, опрокинувшись вниз, виден был в нём чист и в каком-то ясном величии. Вместо мрачных ставней глядели весёлые стеклянные окна и двери. Сквозь чистые стёкла мелькала позолота» [3, I, с. 174] Но контакта с «зазеркальем» Гоголь избегает, автор прибегает в данном случае к форме сна. Однако записка от

панночки-русалки оказалась у героя не во сне, а наяву – снова возникает мир «Страны Чудес». В повести «Ночь перед Рождеством» пространство «Страны Чудес» становится всеобъемлющим: в мир нонсенса входит вся Вселенная, поэтому обыкновенный мир начинает выглядеть как составная часть мира необыкновенного. Важно отметить, что в пространство «Страны чудес» попадает и Санкт-Петербург – в реальном мире Вакула вряд ли попал бы к царице и уж тем более не получил бы черевиков. Отметим, также, что в пространство «Страны чудес» входит и «зазеркалье» (Солоха, чёрт и пузатый Пацюк), причём не представитель мира людей отправляется в «зазеркалье», а, напротив, представители «зазеркалья» попадают в мир людей. Однако между этими мирами проходит незримая граница: достаточно вспомнить. Как Вакула отказывается разделить трапезу с Пацюком (хотя еда сама идёт к нему в рот). Нечто подобное можно наблюдать и в повести «Пропавшая грамота», где герой попадает под землю к чертям: здесь уже «зеркальный» мир отказывается разделить трапезу с героем (хотя герой сам направляет еду в рот). Важно так же, что мир «Страны чудес» в повести локализован: дед и бесы находятся в разных пространствах, которые сталкиваются, но не соединяются. Подобную локализацию можно наблюдать и в повести «Заколдованное место» - «Страна Чудес» здесь ограничена пространством попова огорода. Таким образом, гоголевская «Страна Чудес» приобретает вид локального и притом «заколдованного места», где человек чувствует себя обособленно.

Нечто подобное можно наблюдать и у Л. Кэрролла. Кэрролл создавал свои произведения позже Гоголя, поэтому то, что у других авторов выражалось абстрактно, у Кэрролла выразилось в конкретных формулах. Вот что пишет Н. Демурова: «Страну Чудес можно представить себе так: это некая страна, находящаяся под землей, в которой есть леса и доли, моря и скалы, сады, дворцы, дома, здания суда и прочее. Однако картина, которую создает Кэрролл, совсем иная. Это сери небольших дробных, разрозненных «выгородок», за которыми ничего нет – не тянется, не простирается ничего. В самой Стране чудес они имеют горизонтальное строение и следуют одна за другой в зависимости от разворачивания событий. Строго говоря, в Стране чудес существует два уровня организации этих единиц (подземный зал, выходящий в чудесный сад, и дремучий лес), однако эти уровни соподчинены» [4, с.111]. Таким образом, мы видим, что пространство нонсенса, именуемое Страной чудес, постепенно локализуется, начиная восприниматься не в общности, а в каждой отдельной детали.

Рассмотрим особенности «зазеркального мира. Если в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» миры нонсенса включены в пространство «Страны чудес», то в «Петербургских повестях» они включаются в пространство «зазеркалья». В повести «Невский проспект» мы наблюдаем мир карнавала: «Вы здесь встретите бакенбарды... Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакой кистью не изобразимые... Тысячи сортов шляпок, платьев, платков... Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда... А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте!...» [3, III, 12-13]. Здесь основополагающей категорией также является движение, но это мертвое движение: по проспекту движутся не люди, а вещи. Таким образом, окружающая среда начинает поглощать человека.

В повести «Портрет» мы наблюдаем мир «зазеркалья»: «Портрет, воспроизводящий свой объект в натуральную величину, обычно пробуждает представление о зеркале. Собственно говоря, он и является как бы моментальной фиксацией зеркального отражения...» [2, с. 255]. Мы наблюдаем весьма редкое явление: «зазеркалье» в «зазеркалье». На такие эксперименты не решался даже Кэрролл. Не случайно этот автор, отправив героиню в мир «зазеркалья» предусмотрительно населил этот мир шахматами: если предположить, что за зеркалом всё чёрное – белое, а белое – чёрное, тогда *те* шахматы буду в точности такими же, как *эти*. Но двойное зазеркалье чревато потерей человеком представления о верной системе координат. Поэтому во второй редакции повести возникает мотив

непрерывного кошмарного сна, представляющего собой бесконечно убывающую последовательность (как в двух поставленных друг напротив друга зеркалах). В поисках выхода Гоголь формирует особое пространство – пространство монастыря, в который удалился религиозный живописец, избравший путь спасения и духовного возрождения. Это очень важный момент в развитии гоголевского творчества: земное (горизонтальное пространство) уже не удовлетворяет Гоголя, вследствие чего создается пространство небесное (вертикальное).

Если в «Портрете» мы наблюдали «зазеркалье» в «зазеркалье», то в повести «Записки сумасшедшего» возникает иное пространство – «Страна чудес» в «зазеркалье»: «Поприщин с увлечением пишет на страницах своего дневника обудивительных событиях, происходящих вокруг него: «В Англии выплыла рыба, которая сказала два слова на таком странном языке, что ученые уже три года стараются определить и еще до сих пор ничего не открыли», две коровы «пришли в лавку и спросили себе фунт чаю», собачки Меджи и Фидель переписываются, кокетничают, влюбляются» [1, с. 54]. Заметим, что ни одна из этих историй не получает развития, за исключением переписки собак. Благодаря письмам Меджи, Поприщин возрождается к новой жизни: он обретает новое, свободное от догм, мышление. Однако новое мышление, которое обретает Поприщин, приобретает искаженный вид – его мышление становится мышлением безумца: Маленькая каналья Меджи искусила Аксентия Ивановича не деньгами, не женщиной, а чином и притом не для денег и не для женитьбы. Но для чего? Для того, чтобы свести его с ума. Сумасшествие – это желание не просто чина, а его греховной бессмысленности» [7, с. 67].

Произведения, объединенные гоголем в цикл «Петербургские повести» знаменуют очень важный этап в развитии гоголевского нонсенса. Прежде всего обращает на себя внимание неизменная бинарность каждого произведения и всего цикла в целом. Бифуркационными точками в «Петербургских повестях» становятся конкретные формы действительного бытия: небесное – земное, божественное – демоническое, душа – плоть, искусство – ремесло, нонсенс – гротеск. Следует отметить и то, что только одна из задаваемых бифуркационной парой форм бытия мыслится Гоголем как единственно возможная. Гоголь выстраивает две возможные версии разворачивания процессуальности бытия: либо та, в которой преследуемая цель открывается субъекту, либо та, в которой для субъекта вообще не находится места, причём Гоголь пытается осмыслить, насколько осмысленной является каждая из двух версий. Согласно Гоголю, одна из форм бытия неизбежно должна поглотить другую, и эта форма будет со знаком «минус».

Рассмотрим особенности «зазеркалья» у Кэрролла. Н. Демурова отмечает, что кэрроловское «зазеркалье» распадается на восемь горизонтальных пространств, каждое из которых представляет собой особый замкнутый мир со своим особым временем, своими особыми законами, своими особыми героями [4, с. 124]. Заметим, что о вертикалях зазеркальных шахмат Кэрролл ничего не сообщает. Рассмотрим каждое из этих пространств. О первой горизонтали неизвестно ничего – героиня начинает свой путь со второй горизонтали. На второй горизонтали находится дом, холм и клумба с цветами, однако существуют эти топоры как бы сами по себе (вновь возникает мысль о «выгородках»). О третьей горизонтали вновь ничего неизвестно – героиня пересекает ее на поезде. На четвертой горизонтали находится лес, где героиня встречает Твидлду и Твидди, а также Белую Королеву. Лес простирается и на пятую и шестую горизонтали, однако здесь возникают новые топоры: на пятой горизонтали появляются магазин и некий водоем, а на шестой – стена, где сидит Шалтай-Болтай и город, где сражаются Лев и Единорог. Однако о городе тоже ничего неизвестно, хотя Белый Король и упоминает такие места, как старый мост и рыночная площадь, а Алиса размышляет о том, как Льва и Единорога прогонят *из столицы*. Поэтому можно предположить, что город существует лишь в воображении персонажей, на это указывает и то, что Алиса видит Белую Королеву, выбегающую *из леса*. Лес

существует и на седьмой горизонтали, где героиня встречает Белого Рыцаря. Наконец, на восьмой горизонтали находится дом, где происходит итоговое пиршество.

Таким образом, можно сказать, что кэрроловское «зазеркалье» также связано с распадом – этот мир дробится на отдельные выгородки и, подобно «Стране Чудес», имеет горизонтальное строение. Однако у Кэрролла преследуемая цель открывается субъекту: героиня не только становится королевой, но и обретает веру в себя, выйдя из-под контроля Черной Королевы, после чего героиня покидает мир нонсенса. Однако после этого она начинает мучиться вопросом: кому всё это приснилось – ей или Чёрному Королю? Алиса видит во сне Чёрного Короля, он часть ее сна, но Чёрный Король видит во сне Алису, и она также часть его сна (вновь возникает бесконечно убывающая последовательность, напоминающая два зеркала, поставленных друг напротив друга). Вопрос «Кому всё это приснилось?» остается открытым, так как ответить на него невозможно.

Миры нонсенса Гоголя и Кэрролла представляют собой особое явление, где в одном мире (Страна чудес) герой всё время пытается как-то осмыслить и упорядочить царящую вокруг анархию, а в другом (зазеркалье) анархию сменяет полная детерминированность – возможности выбора в нем нет. Эти миры выстраиваются в виде горизонталей, где на полюсах – бытие и небытие, и вертикалей, где на полюсах – Небо и Земля (Планета Пыток). Этим миры наполнены осколками бытия, которые должны собраться воедино.

Итак, мы видим, что в пространстве когнитивного сознания субъекта-логоцентрика происходит потеря и распад когнитивного центра. В нонсене основной является антитеза идеального мира как *имеющего смысл* (и одновременно гармонического) и обыденного как *бессмысленного* (и одновременно хаотического) [8, с. 392] Однако дело в том, что отсутствие смысла в творчестве Гоголя и Кэрролла начинает проявляться в качестве смысла. В результате в сознании логоцентрика возникает «когнитивный блок», где сама цель теряет стабильность и распадается на бесконечные копии [6, с. 307]. Гоголь и Кэрролл стремятся закончить непрерывную игру, но продолжение движения возможно только после преодоления «когнитивного блока». Однако такое преодоление не всегда становится успешным. Результатом деструктивного процесса нейтрализации «когнитивного блока» становятся глубокая депрессия, глубокий духовный кризис и, как следствие, смерть субъекта-источника (либо духовная, либо физическая) [6, с. 316]

1. Александрова С. В. Повести Гоголя и народная зрелищная культура/С. В. Александрова//Рус. лит.- 2001. – № 1. - с. 50-65.
2. Вулис А. З. Литературные зеркала/А.З. Вулис. - - М. : Сов. писатель, 1991. - 478,[1] с. : ил
3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений/Н. В. Гоголь: 14 т. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1937-1952. – 435 с.
4. Демурова Н. М. Льюис Кэрролл: очерк жизни и творчества/Н. М. Демурова. – М.: Наука, 1979. - 200, [8] с.
5. Иванов Д. И. Теория когнитивно-прагматических программ/ Д. И. Иванов. – Иваново: ИК «ПрессСто», 2019. – 312 с.
6. Иванов Д.И., Лакербай Д. Л. Теория субъектности текста и русская поэзия XX века/Д.И. Иванов, Д.Л.Лакербай. – Иваново: ПрессСто, 2017. – 336 с.
7. Лукин А. В. Имя собственное – ключ к истолкованию текста (анализ повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего») /А. В. Лукин//Рус. яз. в шк. – 1996. - № 1. – с. 63-69.
8. Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели/З.Г. Минц. – Спб.:Искусство, 2000. – 784 с.